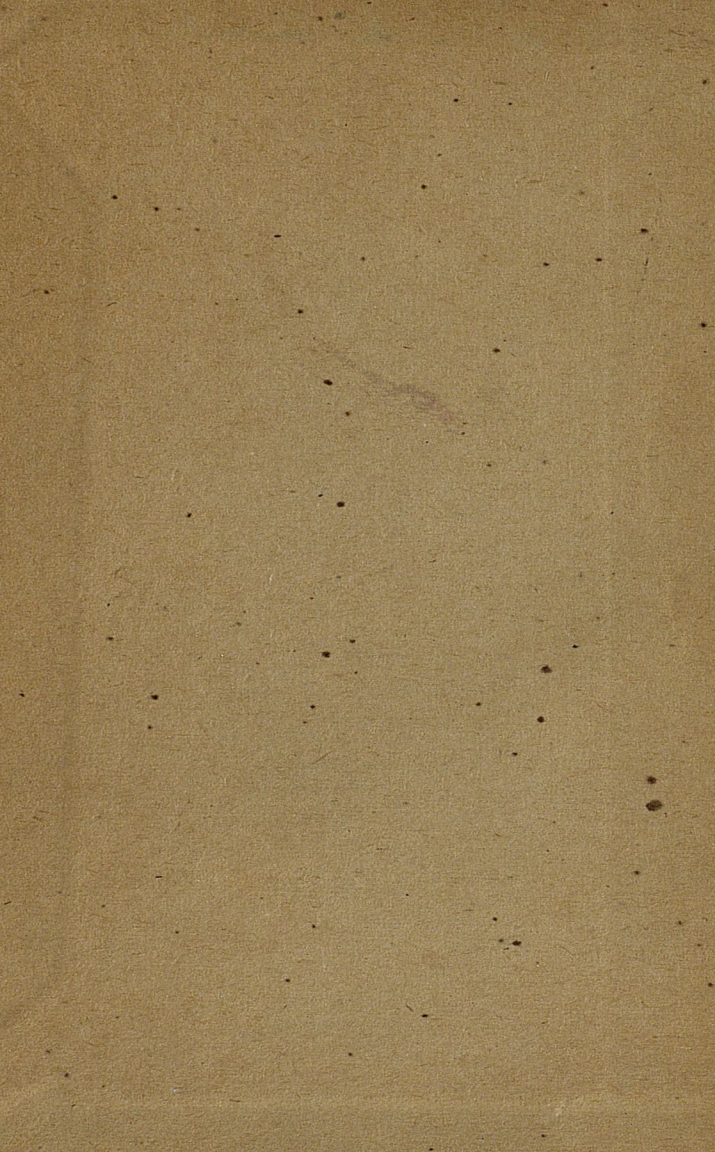

152
A 640

152
640

ИСТОРІЯ
ОТКРЫТІЯ ШКОЛЫ
ВЪ ДЕРЕВНѢ АЛЕКСѢЕВКѢ
МИХАЙЛОВСКОЙ ВОЛОСТИ.

Х. АЛЧЕВСКОЙ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія М. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 30.

1881.

11

.T.

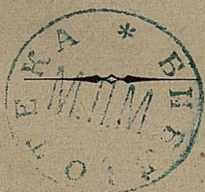
W

~

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ ШКОЛЫ

ВЪ ДЕРЕВНѢ АЛЕКСѢЕВКѢ
МИХАЙЛОВСКОЙ ВОЛОСТИ.

Х. АЛЧЕВСКОЙ.

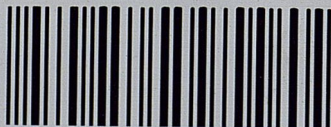

ХАРЬКОВЪ.

Типографія М. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 30.
1881.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 6 Марта 1881 г.

18303-0

2007098680

ИСТОРИЯ ОТКРЫТІЯ ШКОЛЫ

ВЪ ДЕРЕВНѢ АЛЕКСѢЕВКѢ,

МИХАЙЛОВСКОЙ ВОЛОСТИ.

I.

29 мая 1879 г.

Вы не можете себѣ представить какъ я счастлива—вокругъ меня толпится 30 деревенскихъ дѣтей, приведенныхъ самими родителями съ земными поклонами, просьбами и приношеніями. И какъ все это случилось просто и неожиданно для меня самой. Вы знаете, что проживая въ прошлое лѣто въ деревнѣ, я ни разу не позволила себѣ заговорить о школѣ, не смотря на непреодолимое желаніе, мнѣ казалось это преждевременнымъ, я боялась спугнуть этотъ не прирученный къ мысли о школѣ народъ, мнѣ казалось, что сперва необходимо обласкать его и чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь, по мѣрѣ возможности, помочь ему въ его повседневныхъ нуждахъ и лишеніяхъ. Сбли-

женіе это рисовалось мнѣ не въ разговорахъ на темы чуждыя народу, не въ проповѣдяхъ на непонятномъ языкѣ, я желала только, чтобы этотъ деревенскій людъ повѣрилъ, что можетъ встрѣтиться человѣкъ и „изъ панівъ“, какъ онъ смотритъ на насъ, который готовъ помочь ему. Стремленія мои выразились въ томъ, что я стала лѣчить больныхъ; перевязывала раны, завела походный самоварчикъ, который путешествовалъ изъ хаты въ хату, гдѣ оказывался больной, желающій напитокъ чайку, навѣщала родильницъ, ласкала дѣтокъ, однимъ словомъ, дѣлала все то, что всегда дѣлала и прежде, очутившись лѣтомъ въ деревнѣ среди горюющаго люда. Когда мы уѣзжали изъ деревни, насъ провожали благословеніями и слезами. Все это меня чрезвычайно трогало и я давала себѣ слово въ слѣдующемъ году, по пріѣздѣ сюда, тотчасъ же заговорить о школѣ.

Случай представился прекрасный: знакомый мужикъ - портной, снимая мѣрку съ нашего Миколы, сказалъ: „И у меня такой хлопчикъ и какъ желаетъ учиться, да нигдѣ школы нѣтъ!“

Я предложила, чтобы 6-ти лѣтній Саша ходилъ ко мнѣ, а за нимъ потянулись разные Лукаши, Маруси, Мануйлы и т. д. Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ вѣрованіямъ народа, къ тому, въ чомъ воплощается для него идеаль добра, правды и справедливости, я, обмывши и причесавши этихъ грязныхъ дѣтокъ, приступила прежде всего къ изученію, разъясненію и пѣнію молитвы: „Отче нашъ!“ Матери, слушая пѣніе своихъ птенцовъ, умилялись и плакали, да и въ самомъ дѣлѣ, трудно было не умилиться, глядя на этихъ крошекъ, поющихъ: „Хлѣбъ нашъ насущный“. Впрочемъ, не думайте, что всѣ уже у насъ крошки, что намъ отдали только „На тобѣ Боже, що мині не гоже!“, т. е. дѣтей неспособныхъ еще къ работѣ, нѣтъ: есть у насъ Романъ Поповъ 13 лѣтъ, онъ работалъ на шахтѣ, получалъ 6 руб. и родные отняли его отъ работы, чтобы сдѣлать грамотнымъ, есть и другой мальчикъ 12 л., онъ пасъ нашихъ воловъ и получалъ 3 р. и его отдали, и это не 2, не 3, а, пожалуй, половина. Это можно считать уже факти-

ческимъ сочувствіемъ къ школѣ и основательно радоваться этому особенно въ виду скептиковъ, утверждающихъ, что народъ чуть не изъ подъ палки нужно гнать въ школу.

Была я уже у П., хлопочу о разрѣшеніи, чтобы все это было оформлено, какъ подобаетъ. Выписала изъ Петербурга портретъ Государя, а изъ Харькова книги и учебныя пособія.

Счастливая своимъ успѣхомъ **Х. А.**

Р. S. Я должна признаться, что, до сихъ поръ сомнѣнія относительно того: пошлютъ ли крестьяне дѣтей учиться, не мало мучили меня. Мнѣ думалось: вѣдь мы знаемъ народъ по книгамъ, по „Отечественнымъ Запискамъ“ и рассказамъ Глѣба Успенскаго, а они—помѣщики старожилы прожили съ нимъ вѣкъ. Что, если мы съ своими книжными симпатіями останемся въ дуракахъ, а они—практики восторжествуютъ съ своимъ закоренѣлымъ скептицизмомъ. Опытъ удался и я теперь спокойна и счастлива.

II.

3 іюля 1879 г.

„Бѣдная я, бѣдная! Гдѣ моя радость? Гдѣ моя увѣренность въ собственныхъ силахъ, въ умѣніи вести дѣло при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ?“ Пожалѣйте меня! Вотъ что случилось: покончивши занятія сегодня утромъ, мы долго толковали съ племянницей о томъ, когда наши дѣти окончатъ азбуку: „Къ 1-му августу непременно!“ говорила я самонадѣянно!. Но предсказанію моему не сужденно было осуществиться: въ тотъ же день послѣ обѣда мы услышали колокольчикъ и увидѣли станового, быстро направляющагося къ нашимъ воротамъ. Войдя, онъ подалъ мнѣ бумагу отъ инспектора къ полиціи, въ которой значилось приблизительно слѣдующее:

„По частнымъ слухамъ, до меня дошло, что какая то женщина между Михайловкой и Селизневкой занимается неразрѣшоннымъ обученіемъ дѣтей. Прошу произвести слѣдствіе и поступить по закону“.

Въ первую минуту по прочтеніи этой

бумаги у меня потемнѣло въ глазахъ, затѣмъ, силясь призвать на помощь присутствіе духа, я подошла къ письменному столу, достала всѣ свои бумаги, т. е. „свидѣтельство на право преподаванія“, „назначеніе меня распорядительницей воскресной школы“, „благодарность города“, „извѣщеніе о царскомъ подаркѣ“, наконецъ, приготовленное уже на имя инспектора прошеніе въ пакетѣ и съ маркой, и, молча, подала все это полицейскому чиновнику. Внимательно пересмотрѣвъ все это, онъ презрительно отодвинулъ отъ себя бумаги и замѣтилъ: „Все это имѣло значеніе тамъ—въ Харьковѣ, а теперь вы въ Екатеринославской губерніи... Потрудитесь взять перо и писать то, что я вамъ продиктую. Я машинально повиновалась, смутно припоминая, что неповиновеніе полиціи ведетъ къ какимъ то новымъ карамъ. Въ вискахъ у меня стучало, руки дрожали и мнѣ невыносимо досадно было на то, зачѣмъ онѣ дрожатъ и выдаютъ мое душевное волненіе—вѣдь можно предположить, глядя на меня, Богъ знаетъ что такое, но досада еще болѣе вре-

дила дѣлу, я чувствовала, что лицо, мое покрылось пятнами и представляло собою, вѣроятно, такой жалкій видъ, что даже полицейскій чиновникъ проникся, повидимому, состраданіемъ и сказалъ мнѣ съ чувствомъ соболѣзнованія и покровительства:

„Вы не беспокойтесь! Это ничего! Потребуютъ васъ къ мировому судѣ, взыщутъ 50 коп. штрафа и только!“

Затѣмъ онъ началъ диктовать мнѣ слѣдующее: „3-го іюля 1879 года я дала сію подписку въ томъ....

— Позвольте, остановила я его, не смотря на весь упадокъ духа, скажите мнѣ впередъ на словахъ „въ чомъ именно?“.

„Вы сейчасъ увидите, потрудитесь писать“! замѣтилъ онъ мягко, но настойчиво. Я тоже настойчиво положила перо и сказала:

— „Я непременно хочу знать въ чомъ именно!“.

„Въ томъ, продолжалъ онъ, какъ бы диктуя, что открывъ школу безъ разрѣшенія начальства“....—Я не могу на это согласиться, возразила я твердо, это не школа, а простое обученіе гра-

мотѣ на дому—и я показала ему „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ“. Начались новыя пререканія на ту же тему. Въ концѣ концовъ онъ согласился однако на такую росписку:

„1879 г. іюля 3-го дня, я нижеподписавшаяся жена купца-землевладельца славяносербскаго уѣзда Х. Д. Алчевская даю сію подписку г. приставу 2 стана славяносербскаго уѣзда въ томъ, что обученіе дѣтей первоначальной грамотѣ на дому въ дер. Алексѣевкѣ Михайловской волости, которымъ занималась я на основаніи примѣчанія къ ст. второй Высочайше утвержденнаго положенія о начальныхъ, народныхъ училищахъ 1864 г., что „простое обученіе грамотѣ на дому дозволяется безъ разрѣшенія училищнаго совѣта“, впредь до разрѣшенія мѣстнаго начальства обязуюсь прекратить. Причомъ считаю необходимымъ добавить, что съ 1-го іюня по 3-е іюля, занимаясь обученіемъ дѣтей безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства, я имѣла въ виду просить въ непродолжительномъ времени училищный совѣтъ о дозволеніи открыть школу въ Михайловской волости“.

Бѣдныя дѣти! Какъ скажу я имъ завтра, чтобы они расходились по домамъ? Что поймутъ они изъ всего этого? Что подумаютъ ихъ родители?

Х. А.

Отрывки изъ дневника.

4-го іюля.

Ночь провела, послѣ всѣхъ этихъ передрагъ, отвратительно—въ жару, въ слезахъ и въ бреду. Боялись горячки, прикладывали къ головѣ холодные компрессы и горчишники. Бредила, говорить, тѣмъ, что меня ведутъ къ мировому судѣ выдавать „волчій билетъ“ и все просила отыскать мнѣ такое платье, въ которомъ бы я не походила на социалистку.

5-го іюля.

Мнѣ казалось невыносимымъ самой отказывать дѣтямъ и я, поручивши это домашнимъ, рѣшила уѣхать въ Бахмутъ къ инспектору съ прошеніемъ. Измученная физически и нравственно, съ сильнѣйшей болью въ головѣ и въ печени и съ запоздавшимъ прошеніемъ

къ инспектору въ рукахъ, садилась я въ вагонъ. Доѣхавши до желанной станціи, я встрѣтила его жену. Она выѣхала встрѣчать мужа на вокзалъ въ сопровожденіи какого то усача кавалера, но г-на П—ва не оказалось въ поѣздѣ. Г-жа П—ва измѣрила меня надменнымъ взглядомъ. Измученная до послѣдней крайности я униженно подала ей прошеніе и все просила о чомъ то, о чомъ, я не могла потомъ припомнить, а она, пуская въ сторону дымъ папироски, и прищуривши презрительно глазки, повторяла съ тупостью и безсердечіемъ попугая: „Онъ все сдѣлаетъ, что можно по закону! все, что можно по закону!“

6-го іюля.

Мнѣ сообщили, что становой, уѣзжая, просилъ передать мнѣ, чтобы я прекратила лѣченіе больныхъ, что это также воспрещено закономъ. Я шла въ больницу, низко опустивъ голову, на порогѣ меня ждала женщина съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ, одна изъ матерей ребенка, учащагося въ школѣ.

Я осмотрѣла прѣющаго ребенка и,

подавая ей коробочку съ присыпкой, сказала: этого вамъ надолго хватитъ, такъ что, если и закроютъ больницу, какъ грозился становой, то и тогда достанетъ.

Женщина пришла въ полное негодованіе:

„Проклятые! проклятые! говорила она, судорожно сжимая кулакъ и сверкая глазами, небось не запрещаютъ жидамъ проклятымъ открывать шинки и обирать народъ, а нашолся добрый человѣкъ, такъ они къ нему придираются!... Чтожъ мы скоты, чтобъ пропадать безграмотными, собаки, чтобъ сгнивать безъ пособія отъ болячекъ?!“...

Я не рада была, что заговорила съ нею и боязливо смотрѣла кругомъ не слышитъ ли насъ кто-нибудь.

7-го іюля.

5-й день, какъ дѣла находятся въ томъ же напряженномъ состояніи и я больше всего боюсь своего наступившаго равнодушія; чтó, если оно хроническое? Бываютъ минуты, когда все это мнѣ кажется какой то глупой комедіей, но бываютъ, впрочемъ, и дру-

гія минуты. Возвращаясь сегодня изъ больницы съ тѣмъ тупымъ равнодушіемъ въ душѣ, котораго я такъ боюсь, я встрѣтила на улицѣ, въ 1-й разъ послѣ закрытія школы, свою любимицу Марусю Товстенко. Дѣвочка низко поклонилась мнѣ и остановилась, какъ бы выжидая отъ меня чего то и глядя въ упоръ своими умными, сѣрыми глазами, я тоже остановилась, желая сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ и вдругъ неудержимый потокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ, я поспѣшила домой и горько, судорожно рыдала. Мнѣ казалось, что все бы ничего, но самое жалкое—эти разогнанные дѣти, недоучившія азбуки; вѣдь они, забывая по немножку каждый день, забудутъ все, чему выучились, пока получится разрѣшеніе; какъ этого не понять имъ—лицамъ, призваннымъ вникать въ дѣло народнаго образованія? Почему бы не пріѣхать сюда, хотя бы инспектору и не провѣрить на мѣстѣ, что здѣсь дѣлается, чѣмъ здѣсь занимаются. А что, если бы въ самомъ дѣлѣ дѣло было не чисто? Что же тогда? За что же, наконецъ, наказывать

Марусю, Лукаша? Ну пусть меня къ мировому судѣ, я должна была предвидѣть послѣдствія, думать о формальностяхъ, но ихъ за что же?.....

Слезы облегчили меня, но..... надолго ли?

8-го іюля.

Я сидѣла задумавшись въ саду и вдругъ почувствовала близко возлѣ себя чье то присутствіе. Я оглянулась. За мною стояла Мотя—одна изъ наиболѣе застѣнчивыхъ ученицъ. Она видимо собиралась съ силами, чтобы выговорить что то и не рѣшалась. „Что, Мотя? Что хочешь сказать?“ сказала я ласково. Она оглянулась нѣтъ ли кого близко, наклонилась къ моему уху и прошептала: „Христина Даниловна! Учите меня потихоньку. Я никому, никому не скажу“!

Въ эту минуту кто то показался на большой аллеѣ. Дѣвочка опрометью бросилась къ калиткѣ и скрылась.

„Бѣдное дитя!“ подумала я, глядя ей въ слѣдъ.

9-го іюля

Мы шли кататься на лодку. На встрѣчу намъ попались двѣ дѣвочки-ученицы

нашей школы. По ихъ запыленнымъ одеждамъ и узелкамъ можно было предположить, что онѣ возвращаются изъ дальняго путешествія. „Откуда вы?“ спросила я. „У ворожеи были, гадали откроютъ ли школу или нѣтъ?“ „Что же вышло?“ спросила я, грустно улыбаясь.

— Сказала: будетъ, но не скоро! — отвѣчали печально дѣти.

Мнѣ нечѣмъ было утѣшить ихъ, я только думала: пожалуй ворожея права даже въ самомъ обширномъ смыслѣ: „будетъ у насъ школа, но не скоро“!

10-го июля.

Вчера я встрѣтила одну изъ матерей. Она просила меня зайти къ больной родильницѣ. Я велѣла запречь лошадей и мы поѣхали вмѣстѣ въ Михайловку. Дорогою женщина рассказывала мнѣ безъ умолку о своей единственной дочери — Цашѣ. Она говорила, какъ та только проснется, хватается за азбуку и цѣлый день то читаетъ, то пишетъ, какъ молится по утру — каждое утро: „Пошли, Господи, что бы ско-

рѣе открылася школа!“ и какъ вчера она горько плакала подъ заборчикомъ возлѣ хаты. „Я просто перепугалась до смерти“, говорила женщина, думала, или ногу она себѣ выбила или руку, спрашиваю: „Паша! чего ты“, а она: — „Развѣ не слыхали, говорятъ Х. Д. купили Васильевку и переѣдутъ туда жить!“ — и опять въ голосъ. Просто ничѣмъ не могла утѣшить. Наконецъ говорю ей: дурочка! можетъ это еще и неправда! Мало ли, что люди брешутъ. Она задумалась, обтерла слезы и говорить: „Пойду къ Х. Д., поклонюсь ей въ ноги и попрошу, чтобъ не уѣзжала. Скажу ей, что у насъ народъ хорошій, а въ Васильевкѣ плохой, что у насъ всѣ ее любятъ, а тамъ никто еще не знаетъ“!

Я бы не повѣрила всему этому, если бы не знала Пашу—эту тихую, скромную, умную дѣвочку, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ, напоминающимъ иконостасную живопись. Мать души въ ней не слышитъ. Еще бы, осталась одна изъ 14-ти. Она рассказывала, что всѣ ея дѣти не доживали болѣе какъ до 12 лѣтъ. Пашѣ теперь

11 и, глядя на нее, невольно является какой то предразсудочный страхъ при мысли: что какъ и эта умретъ? Впрочемъ, чтобы вѣрить въ возможность этого не нужно быть суевѣрной, стоитъ только посмотрѣть на это прозрачное, малокровное личико, вырванное точно изъ какой-нибудь изнѣженной, аристократической семьи, а не мужицкой хаты, въ эти большіе, затуманенные черные глаза съ выраженіемъ: „не отъ міра сего“. Впрочемъ старуха и нѣжитъ ее порядкомъ: „Ужъ я ей ничего не жалѣю, говоритъ она, и курятинку жарю и изъ цыплятокъ супецъ варю—лишь бы кушала“.

11-го іюля.

Мнѣ рассказывали сегодня дѣти, что Дуня Попова такъ голосила въ день закрытія школы, что родители рѣшились отвести ее за 10 верстъ въ Бѣлую къ родственникамъ и оставить у нихъ, чтобы она ходила тамъ въ школу. Къ несчастію оказалось, что школа въ Бѣлой закрыта, такъ какъ не подошла подъ постановленіе земскаго собранія и мужики отказались вносить

200 р., не смотря на то, что ихъ тамъ 1000 душъ и на каждого приходилось по 2 к. Отказъ свой они мотивировали такъ: „Пани дадутъ на школу гроши, а потімъ зъ насъ же вывернуть“! (Мнѣ рассказывалъ это потомъ тамошній помѣщикъ).

12-го іюля.

Сегодня былъ у меня староста—приходилъ благодарить за облегченіе его больной дочери. Когда рѣчь зашла обо всемъ случившемся, онъ высказался самымъ рѣшительнымъ тономъ такъ: „Что становой—пьянюга *), больше ничего! Тутъ главное міръ. Міръ даетъ вамъ одобреніе и на школу и на больницу! Міръ—сила!“

Я боялась говорить съ нимъ больше, мнѣ все чудилось, что кто то слушаетъ меня и обвиняетъ въ пропагандѣ.

30-го іюля.

Почти мѣсяцъ какъ разорено наше бѣдное школьное гнѣздышко. Неужели мнѣ не удастся опять устроить его. Сижу, сложа руки и жду у моря по-

*) Вскорѣ послѣ этого нашъ становой былъ уволенъ отъ должности за пьянство.

годы, въ то время какъ разрѣшеніе гуляетъ, вѣроятно изъ училищнаго совѣта въ уѣздную земскую управу, отсюда къ инспектору и догуляется до моего отѣзда и прійдетъ сюда тогда, когда я буду поглощена другими дѣлами, другою школою—въ городѣ, а бѣдныя дѣти перезабудутъ выученныя буквы.

3-го августа.

Сегодня мнѣ подали большой пакетъ, за инспекторской печатью, принесенный изъ Михайловской волости.

„Наконецъ то!“ подумала я, съ волненіемъ распечатывая пакетъ и чувствуя на себѣ взгляды радостнаго любопытства дѣтей и всѣхъ окружающихъ, которые также съ волненіемъ слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ.

Распечатавъ, я прочла приблизительно слѣдующее:

Въ дополненіе отношенія моего отъ 13 іюля симъ прошу васъ, милостивая государиня, представить мнѣ полицейское свидѣтельство о вашей благонадежности, какъ главный документъ,

дающій право на открытіе школы; въ прошеніи вашемъ отъ 4-го сего іюля вы упоминаете о документахъ вашихъ, между тѣмъ я получилъ копію документовъ ниѣмъ не засвидѣтельствованныхъ.

Инспекторъ П—въ.

Послѣ этого извѣстія я опять слегла въ постель съ болью въ печени и отчаяніемъ въ сердцѣ. Правда, я дѣйствительно въ попыхахъ не успѣла засвидѣтельствовать копіи съ документовъ, но вѣдь ихъ видѣлъ становой въ подлинникѣ, кромѣ того, въ слѣдъ за этимъ, я отправила ихъ засвидѣтельствованными въ училищный совѣтъ.

Кромѣ того, вѣдь школу открываетъ земство, а не я. Мнѣ не нужно никакихъ кличекъ, я жертвователь и только.

Мотивы, благодаря которымъ, я желала устроить школу не частную, а непременно земскую, были таковы: я могу уѣхать, умереть, между тѣмъ земство—какъ представитель мѣстной интеллигенціи,—навѣрное поддержитъ учрежденіе—школу, построенную на ра-

ціональнихъ началахъ: въ удобномъ каменномъ зданіи, съ богатыми наглядными пособіями, съ хорошей бібліотекой и т. п. Съ этою же цѣлью я перемѣнила свое намѣреніе помѣщать школу въ старомъ домикѣ, а себѣ строить новый и рѣшила жить сама въ старомъ, а для школы воздвигнуть зданіе по всѣмъ правиламъ школьной гігіены.

4-го августа.

Сегодня засвидѣтельствована 15-я уже копія въ волостномъ правленіи. Можетъ этого будетъ достаточно для инспектора народныхъ училищъ. Сегодня же отправлено прошеніе о полицейскомъ свидѣтельствѣ въ Харьковъ.

5-го августа.

Сегодня получила бумагу изъ училищнаго совѣта. Бумага эта чрезвычайно похожа на разрѣшеніе, но по смыслу отношенія инспектора она въ сущности ничто безъ полицейскаго свидѣтельства, этого „главнаго документа для открытія школы“, какъ выражается онъ. Слѣдовательно, счастье мое

заключается въ „полицейскомъ свидѣтельствѣ“.

11-го августа.

Мечта моя осуществилась! Сегодня я получила полицейское свидѣтельство изъ Харькова, гласящее, что я „поведенія хорошаго!“

Какое счастье!... Завтра же засвидѣтельствую 16 копію съ этого прошенія и отправлю г. П—ву. Вѣроятно съ этимъ окончится мой путь по мытарствамъ.

12-го августа.

Счастье мое помрачилось, надежды померкли—получено отъ инспектора частное извѣстіе черезъ учителя, что одного „свидѣтельства“ отъ харьковской полиціи недостаточно, необходимо изъ славяносербской. Просила со слезами П., ѣдущаго сегодня въ Славяносербскъ достать мнѣ, если возможно, это свидѣтельство отъ исправника. Обѣщаль.

13-го августа.

Новое извѣстіе отъ инспектора—требованіе доказать, что я дѣйстви-

тельно русская подданная. Посылаю эстафету въ Славяносербскъ, нельзя ли совмѣстить полицейское свидѣтельство съ таковымъ удостовѣреніемъ?!

14-го августа.

Наконецъ получила 2-ю половину моего благополучія—полицейское свидѣтельство изъ Славяносербска, гласящее, что я поведенія отличнаго и въ довершеніе счастья въ концѣ добавлено, что я дѣйствительно русская подданная. Сегодня отправляю инспектору отвѣтъ и на этотъ новый искусь, что же далѣе? О, навѣрное какое-нибудь новое удостовѣреніе. Это просто какая то „бочка Данаидъ“, наполняющаяся прошеніями, отношеніями, свидѣтельствами и заявленіями...

17-го августа.

Новое требованіе: доказать, что я православнаго вѣроисповѣданія. Говорятъ, что для этого необходимо мое метрическое свидѣтельство изъ города, гдѣ я родилась—Борзны, 38 лѣтъ назадъ. Борзна эта съ тѣхъ поръ горѣла разъ 20, слѣдовательно врядъ ли

возможно будетъ выхлопотать таковую метрику. Отправляю, на всякій случай, письмо въ Харьковъ, авось тамъ удастся добыть.

18-го августа.

Письмо отъ родственника.

Только что я получилъ ваше требованіе относительно удостовѣренія въ томъ, что вы православнаго вѣроисповѣданія, какъ явился ко мнѣ вашъ сосѣдь Г. и сообщилъ слѣдующее: онъ встрѣтился съ г. П—вымъ на желѣзной дорогѣ и тотъ поручилъ ему передать вамъ, что кромѣ бумагъ, доставленныхъ уже вами, настоятельно требуется доказать, что вы законная жена вашего мужа. Постараюсь выхлопотать всѣ эти удостовѣренія и удовлетворить такимъ образомъ вашего чуднаго инспектора.

23-го августа я получила эту бумагу.

24-го августа.

Казалось бы, что чаша терпѣнія должна была бы переполниться и послѣ припадковъ отчаянія и равнодушія,

долженъ былъ бы появиться протестъ. Но у меня выходитъ иначе: какъ бойца охватываетъ одушевленіе и мужество чѣмъ больше препятствій впереди и еще привлекательнѣе и желаннѣе кажется ему побѣда, такъ и я, минутами мнѣ кажется, что я не любила бы такъ эту школу, если бы она не далась мнѣ съ такими страданіями, что устраивать дѣло при благопріятныхъ условіяхъ не диво, нѣтъ, ты воздвигни его тогда, когда все противъ тебя, и въ результатѣ получится увѣренность въ своей настойчивости, преданности и силѣ. Мщеніе мое должно состоять не въ томъ, чтобы обратиться вспять и сжечь корабли, а въ томъ, чтобы остаться на полѣ битвы, выиграть сраженіе, создать образцовую школу и доказать, что была права я, а не г-да П—вы.

Вотъ что писала я вчера одному изъ своихъ знакомыхъ, бѣжавшему съ поля битвы общественной дѣятельности, въ деревню и погрузившагося тамъ „въ дремоту жизни праздно“, что мнѣ однако не мѣшаетъ уважать въ немъ человека умнаго и честнаго.

„Вы обвиняете меня въ томъ, что я отказываюсь отъ газетныхъ статей и, приглашая защищать Спасовича, въ глубинѣ души, не желаю даже его защиты. Прежде чѣмъ обвинять меня въ этомъ, выслушайте мои доводы: я нахожу, что людей готовыхъ протестовать, обличать и пререкаться гораздо больше чѣмъ людей желающихъ напроломъ, во что бы то ни стало, дѣлать дѣло, общественное дѣло, въ которое они вѣрятъ, котораго они предвидятъ будущность. Я не берусь судить кто больше служить обществу, кто полезнѣе, кто заслуживаетъ большаго уваженія, большей симпатіи, я чувствую только себя принадлежащею ко 2-й категоріи. Выходя изъ этаго положенія, я не хочу быть на скамьѣ подсудимыхъ по школьному дѣлу, я не хочу дать восторжествовать злоязычію г-дъ П—выхъ, я не хочу набрасывать тѣни на мою прошлую педагогическую дѣятельность, я не хочу быть причисленною къ лику недовольныхъ и протестующихъ, я не хочу минутнаго торжества идеи и привлекательнаго мученическаго вѣнка — невинно

пострадавшей, купленного цѣною возможности дѣлать дѣло!

Говорятъ, что дѣло передается въ окружной судъ. Мировой судья нашолъ его себѣ неподсуднымъ и передалъ судебному слѣдователю.

Извѣстный адвокатъ С. говоритъ, что онъ самъ желалъ бы быть подсудимымъ по такому дѣлу, что такія дѣла слѣдуютъ раздувать, а не тушить, что онъ бесплатно пріѣдетъ защищать его. Изъ Петербурга мнѣ предлагаютъ опять помѣстить эту исторію въ одной изъ распространенныхъ газетъ, но я повторяю: не этого мнѣ нужно, мнѣ нужно дѣлать дѣло и только“.

28-го августа.

Вещи уложены, дѣти въ дорогѣ, одна я задерживалась до послѣдней минуты въ надеждѣ получить разрѣшеніе и дождалась таки и отъ инспектора и отъ училищнаго совѣта, но открыть школу невозможно. Завтра я неизбѣжно должна выѣхать въ Харьковъ, такъ какъ 2-го открытіе воскресной школы послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Придется пріѣхать 3-го сентября

послѣ собранія, но радостная вѣсть облетѣла уже всѣ хаты и маленькія фигурки безпрестанно мелькаютъ у воротъ.

29-го августа.

Въ дорогѣ. (Изъ деревни въ городъ).

Станція Никитовка.

(3 ч. пополуд.).

Я садилась въ экипажъ, окруженная веселою толпою дѣтей, счастливая въ виду предстоящей радости. Въ воротахъ показался старикъ, разносящій пакеты изъ михайловской волости и подалъ мнѣ какую то бумагу. Какъ ни была подговлена я къ вызову судебного слѣдователя, но онъ невыразимо поразилъ меня: опять похолодѣли руки и потемнѣло въ глазахъ. Подъ впечатлѣніемъ послѣдней радости мнѣ казалось, что все это горькое отошло куда то далеко, далеко, я готова была все забыть, всѣмъ простить и вдругъ опять..... Я возвращалась въ Харьковъ, торжествуя побѣду, а тутъ этотъ вызовъ къ судебному слѣдователю, и что я ему скажу и какъ все это будетъ и чѣмъ кончится? Все это вопросы, отвѣты на которые никто не можетъ предвидѣть

6-го сентября.

(О п я т ь в ь д е р е в н ю).

Д. Алексѣевка.

(12 ч. ночи).

Мнѣ кажется, что въ жизни моей я никогда не присутствовала при такомъ торжествѣ какъ сегодня. Хотѣла заснуть и не могу — передъ глазами все та же картина: священникъ въ свѣтлой рясѣ съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ толпа дѣтей веселыхъ, нарядныхъ, какъ на свѣтлый праздникъ, за ними толпа народа, благоговѣйно идущая за всей этой процессіей, все это движется къ только что заложенному зданію. Солнце ярко освѣщаетъ всю эту картину, а въ ушахъ раздаются дѣтскіе голоса: „Спаси Господи люди твоя!“

Народъ собрался со всѣхъ окрестныхъ деревень и не одинъ народъ, а всѣ сосѣди и близкіе и дальніе, всѣ они знали какою цѣною купила я это торжество и казалось сошлись порадоваться моей радости. Мы заявили всѣмъ и каждому, что не можемъ принять болѣе 40 дѣтей, пока выстроится настоящая школа, а намъ привели 60. Разумѣется старымъ пріятелямъ было

отдано предпочтеніе, добавили 10 новыхъ изъ болѣе взрослыхъ дѣтей, а 20 записали на весну.

7-го сентября.

(Изъ деревни въ городъ).

Станція Никитовка.

(3 ч. пополуд.).

Я почти не спала эту ночь—картины радости смѣнялись тяжелымъ ожиданіемъ утра и вызова судебного слѣдователя. Въ 8 ч. я была уже готова къ отъѣзду въ Михайловку, а въ половинѣ 9-го подѣзжала къ волостному правленію, къ тому самому волостному правленію, гдѣ судятъ конокрадовъ и мошенниковъ. Нервы мои были въ высшей степени напряжены, но я силилась удержаться отъ слезъ, уговаривая себя, что плакать постыдно. Ночью, впрочемъ, я написала заявленіе и именно на случай слезъ и невозможности выяснить дѣла какъ слѣдуетъ. Это заявленіе-экспромптъ лежало у меня въ карманѣ, такъ какъ есть—непереписанное даже, впрочемъ въ немъ не встрѣчалось ни одной пометки, такъ научили меня писать дѣловыя бумаги въ Славяносербскѣ.

Мы подъѣзжали къ волостному правленію, когда издали слышался колокольчикъ, отъ котораго у меня дрогнуло сердце и чрезъ нѣсколько минутъ показалась тройка—на тройкѣ сидѣлъ молодой человѣкъ въ бѣлой фуражкѣ съ кокардой, самаго эlegantнаго вида и слуга. Молодой человѣкъ, впрочемъ для меня не былъ „человѣкъ“,—это былъ „судебный слѣдователь“, молодцевато выскочилъ онъ изъ тарантаса, захлопнулъ за собой стремительно дверь и выслалъ человѣка сказать, что просить меня пожаловать въ залу въ домъ Міоковичей. Эти добрейшіе сосѣди—Міоковичи, видя, вѣроятно, на лицѣ моемъ выраженіе ужаса каждый разъ, когда рѣчь заходила о судебномъ слѣдователѣ, и прежде успокаивали меня предположеніемъ, что судъ надо мною будетъ происходить у нихъ въ домѣ, какъ это не разъ уже бывало, но мнѣ казалось, что это еще стыднѣе. Тѣмъ не менѣе мы велѣли повернуть лошадей къ дому Міоковичъ. На встрѣчу намъ, точно желая скорѣе выручить меня изъ бѣды, бѣжала растрепанная и въ утреннемъ negli-

же добрѣйшая Екатерина Александровна. Завидѣвши меня, она стала махать руками, точно боясь, что я миную ихъ домъ, или заподозрю, что они покинули меня въ бѣдѣ. Это было уже выше моихъ силъ, я зарыдала и, рыдая, вошла къ нимъ въ домъ. Меня силились утѣшить, успокоить—ничто не помогало. Наконецъ, въ залѣ слышались шаги и въ комнату вошелъ судебный слѣдователь. Не знаю, какъ это случилось, но я мигомъ перестала плакать и почувствовала вдругъ такой приливъ сознанія собственнаго достоинства и гордости, что совершенно твердо послѣдовала за нимъ на его приглашеніе въ залу. Мы сѣли другъ противъ друга. Судебный слѣдователь не безъ юпитерскаго величія началъ со слѣдующаго: „Ваше дѣло—это первое дѣло въ моей юридической практикѣ такого рода характера, а поэтому я, какъ молодой юристъ, считалъ необходимымъ посовѣтоваться въ этомъ случаѣ съ моими товарищами-юристами, болѣе опытными, чѣмъ я. Съ этою цѣлью я побывалъ въ окружномъ судѣ и послѣ продолжи-

тельной консультаціи мы рѣшили предложить вамъ слѣдующій вопросъ, который будетъ первымъ и послѣднимъ и опредѣлить отношенія вашего дѣла, а именно: „Признаете ли вы, что школа, существовавшая въ деревнѣ Алексѣевкѣ, михайловской волости существовала безъ разрѣшенія?“

Извините! возразила я спокойно, но есть вопросъ первѣе этого, а именно: „Существовала ли школа въ деревнѣ Алексѣевкѣ, михайловской волости?“

Молодой юристъ даже подскочилъ немного на стулѣ. „Какъ! Вы это отвергаете?“

— Да!

„Что же это было по вашему?“

— Это было простое обученіе грамотѣ на дому, которое на основаніи примѣчанія къ ст. 2-й Высочайше утвержденнаго положенія о нач. народн. учил. дозволяется лицамъ всѣхъ сословій безъ разрѣшенія училищнаго совѣта. И я открыла предъ нимъ бывшее при мнѣ печатное „положеніе о нач. народн. училищахъ.“

Молодой юристъ, видимо, нѣсколько сконфузился и спросилъ меня ме-

нѣе уже юпитерскимъ тономъ: „А чѣмъ вы можете доказать, что это была не школа?“

— Тѣмъ, отвѣчала я, чувствуя, что принимаю все болѣе и болѣе грозный видъ, что тутъ не было никакихъ элементовъ, входящихъ въ составъ понятія о школѣ: школа требуетъ опредѣленнаго помѣщенія—его не было, такъ какъ мы учили въ саду и на балконѣ; школа требуетъ учителя, его не было, такъ какъ я занималась сама съ дѣтьми; школа требуетъ опредѣленной программы—ея не было; школа требуетъ законоучителя—его не было. Впрочемъ, позвольте мнѣ подать вамъ заявленіе, изъ котораго вы вполне ясно увидите весь ходъ дѣла. Заявленіе это я прошу васъ пришить къ дѣлу!—И я подала ему заявленіе, чувствуя, что мы положительно помѣнялись ролями. Заявленіе мое было слѣдующаго содержанія:

Заявленіе.

Въ прошломъ 1878 г., пріѣхавши въ 1-й разъ въ имѣніе мужа моего д. Алексѣевку, михайловской волости, я провела въ ней 3 лѣтнихъ мѣсяца. Работая 16 лѣтъ на поприщѣ народнаго образованія, я,

естественно, поинтересовалась узнать, существуют ли вблизи насъ школы и узнала, что въ михайловской волости нѣтъ ни одной.

Это обстоятельство дало мнѣ поводъ рѣшиться устроить, съ участіемъ земства, народное училище. Съ этою цѣлью я обратилась къ сосѣду моему Н. Н. П., какъ одному изъ земскихъ дѣятелей и мировому судѣ—юристу, способному разъяснить мнѣ порядокъ веденія дѣла и просила его помочь мнѣ. Въ сентябрѣ того же года состоялось земское собраніе, въ которомъ, по вопросу о народномъ образованіи, рѣшено было открывать земскія школы и выдавать субсидію въ 400 р. только тамъ, гдѣ общество, или частное лицо обяжется вносить съ своей стороны 200 и покажетъ такимъ образомъ свое сочувствіе къ школѣ и желаніе содѣйствовать ея интересамъ. Въ это время я была уже въ Харьковѣ—моемъ постоянномъ мѣстѣ жительства.

Приѣхавши въ этомъ году въ деревню въ маѣ мѣсяцѣ, я возобновила свои переговоры по этому дѣлу съ П., причѣмъ онъ объявилъ мнѣ, что прежде

всего нужно подать прошеніе инспектору народнаго училища П—ву и обѣщаль доставить на дняхъ форму такового прошенія, но какъ человѣкъ занятый и службой и хозяйствомъ, замедлил нѣсколько доставкой мнѣ этой формы, а я, въ свою очередь, получивъ отъ него прошеніе, замедлила отправкой, наводя справки какъ зовутъ П—ва, гдѣ онъ находится, такъ какъ въ Бахмутѣ его не оказалось, какую слѣдуетъ приложить марку и т. п. Въ этихъ хлопотахъ прошло около мѣсяца; между тѣмъ нѣкоторые изъ сосѣдей пугали меня предсказаніемъ, что получу я разрѣшеніе, выстрою домъ, но учениковъ не будетъ, что народъ нашъ не расположенъ къ школѣ, что ему нужны малолѣтніе работники и т. п. Напуганная отчасти этими предсказаніями мѣстныхъ жителей, я задумала сдѣлать опытъ до открытія школы. Помня очень хорошо объ инспекторѣ и необходимости просить прежде всего у него разрѣшенія школы, я въ то же время знала, что на основаніи примѣчанія къ статьѣ 2-й Высочайше утвержденнаго положенія о начальныхъ

народныхъ училищахъ 1864 г. „дозволяется простое обученіе грамотѣ на дому безъ разрѣшенія училищнаго совѣта“. Кромѣ того за непреступность этого опыта говорило все мое прошлое, подкрѣпленное такими фактами: въ 1871 году баронъ Корфъ—извѣстный дѣятель по народному образованію, осматривалъ въ Харьковѣ школу, въ которой я состою распорядительницей и далъ о ней самый лестный печатный отзывъ въ рядѣ газетныхъ статей подъ заглавіемъ: „Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія“. Въ 1873 году я получила благодарность отъ харьковской городской думы, во главѣ которой находился тогда бывшій профессоръ харьковскаго университета Е. С. Гордѣенко. Въ 1874 г., по представленію мѣстнаго начальства, пожалована подаркомъ изъ кабинета Ея Величества. Въ 1878 г. школу посѣтилъ членъ-ревизоръ Святѣйшаго Синода С. И. Миропольскій и, тщательно изучивъ ее, написалъ исторію школы подъ заглавіемъ: „Школы и Общество“, въ которой въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ доказы-

валъ, что это учрежденіе единственное въ Россіи. Статьи эти напечатаны въ 3-хъ книгахъ педагогическаго журнала „Семья и Школа“ за 1878 годъ.

Все это, повторяю я, казалось мнѣ достаточнымъ для права произведенія опыта—пошлютъ ли дѣтей учиться. Случай помогъ мнѣ: знакомый мужикъ портной, снимая мѣрку съ младшаго сына моего, замѣтилъ: „И у меня есть такой хлопчикъ и страсть какъ желаетъ учиться, да нигдѣ близко нѣтъ школы!“ Я предложила, чтобы мальчикъ ходилъ ко мнѣ учиться, а на 3-й день меня просили о томъ же нашъ прикащикъ, садовникъ, дворникъ, кучеръ и еще нѣсколько матерей изъ сосѣднихъ хатъ. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно для меня самой и въ противорѣчіе мѣстнымъ предсказаніямъ, въ 2—3 дня набралось до 30-ти дѣтей. 1-ю недѣлю я посвятила задачамъ опрятности: роздала по куску мыла, по частому гребешку, мальчикамъ велѣла остричься, дѣвочкамъ—снять платочки и причесываться каждый день; смотрѣла чисты ли руки, уши, ногти, головы и обѣсняла необ-

ходимость чистоты для здоровья. 2-ю недѣлю мы приступили къ разучиванію молитвы: „Отче нашъ“ съ объясненіемъ и пѣніемъ, а на 3-ю принялись за подвижную азбуку. Занимались мы всѣмъ этимъ на балконѣ, въ саду, такъ какъ другого помѣщенія тогда не имѣлось и мечтали о томъ, что къ открытію школы старшіе ученики окончатъ азбуку и образуютъ изъ себя 2-ю группу, какъ вдругъ полиція—становой приставъ. Разумѣется я показываю ему всѣ доказательства своей благонадежности, всѣ свои бумаги, но онъ отвѣчаетъ: „Все это имѣетъ значеніе только въ харьковской губерніи, а теперь вы въ екатеринославской!“ Неспособная отъ волненія сообразить, что законы въ Россіи повсюду одни и тѣ же, я покаяюсь требованію полицейскаго чиновника и пишу росписку, что впредь до разрѣшенія мѣстнаго начальства прекращаю занятія съ дѣтьми, сохраняя однако сознаніе настолько, что не пишу „закрываю школу“, какъ требуетъ онъ, такъ какъ школы никакой не было, а было „простое обученіе грамотѣ на дому“, и даже менѣе того „на балконѣ“,

и даже менѣе обученія, такъ какъ внушеніе правилъ опрятности и пѣніе нельзя считать за организованныя школьныя занятія.

На другой же день я отправляю прошеніе инспектору и въ училищный совѣтъ. Училищный совѣтъ немедленно разрѣшаетъ открыть земское народное училище въ д. Алексѣевкѣ и назначаетъ субсидію, но инспекторъ, не желая понять, что это школа земская, что учителя въ нее назначаетъ земство съ его согласія, что я представляю собою не болѣе какъ жертвователя 3,000 руб., ставитъ мнѣ препятствія и требуетъ не разомъ, а постепенно, затягивая дѣло до моего отъѣзда: 1) полицейское свидѣтельство отъ харьковской полиціи; 2) таковое же отъ славяносербской, затѣмъ 3) свидѣтельство о томъ, что я русская подданная, затѣмъ, что православнаго вѣроисповѣданія, и, наконецъ, что я законная жена моего мужа. Я доставляю всѣ данныя доказательства и, наконецъ, за два дня до моего отъѣзда школа открыта, но тутъ же я получаю повѣстку отъ г. судебного слѣдователя, какъ посредника дѣла, переходящего

въ окружной судъ, причомъ сказано, что я обвиняюсь въ уголовномъ преступленіи „въ нарушеніи постановленій о воспитаніи юношества“.

7-го сентября 1879 г.

д. Алексѣевка.

Дочитавши заявленіе, молодой юристъ совершенно уже сконфуженно пробормоталъ:

„Да, я долженъ признаться, что „заявленіе“ ваше дѣйствительно сбило меня съ позиціи и я тоже готовъ признать, что школы не было. Въ виду этого я не могу снимать съ васъ показаній, такъ какъ мы снимаемъ показанія только съ подсудимыхъ, а признать васъ подсудимою я не могу. Придется снять показаніе со школьниковъ и только“

— Послѣдняя фраза наполнила мое сердце ужасомъ:—какъ, пытаться этихъ неповинныхъ дѣтей, навести на населеніе ужасъ, отшатнуть, быть можетъ, отъ школы, подумала я, и сказала громко: каждый провинившійся человекъ долженъ самъ выносить на себѣ кару наказанія, а поэтому прошу васъ наказывать меня—вы можете передать

дѣло въ окружной судъ, я даже желаю этого, такъ какъ Спасовичъ разъяснить при этомъ, какъ поставлено у насъ въ глуши дѣло народнаго образованія; только прошу васъ—не трогайте дѣтей! Впрочемъ, извините, добавила я поспѣшно, быть можетъ я не имѣю права просить о чомъ бы то ни было?!

„Нѣтъ, почему же, возразилъ онъ также сконфуженно, вы имѣете право просить и даже ваша просьба можетъ быть уважена—я, пожалуй, не спрошу дѣтей, а спрошу сосѣдей. Что же касается окружного суда, то если вы желаете, чтобы дѣло перешло туда, то вы должны признать, что школа существовала и заплатить 50 к. штрафу.“

— Ни за что! возразила я горячо, если бы мнѣ предстояло заплатить одну коп., или просидѣть въ тюрьмѣ, я выбрала бы послѣднее, но ни за что не признала бы себя виновной противъ убѣжденія!

„Вы свободны!“ сказалъ учтиво молодой юристъ, приподымаясь съ мѣста.

Я вышла твердо и спокойно какъ вошла, вполне довольная собой, потребо-

вавъ предварительно у моего судьи росписку въ томъ, что онъ получилъ мое заявленіе.

17-го сентября.

Харьковъ.

Послѣ визита въ камеру судебного слѣдователя я постоянно тревожилась мыслью о томъ: свободенъ ли будетъ Спасовичъ, если потребуется его защита, и въ высшей степени была рада сегодня его нѣсколькимъ успокоительнымъ строкамъ, вотъ онѣ:

Милостивая Государиня

Христина Даниловна!

Всегда, когда вы потребуете меня выручать васъ на судѣ, обѣщаю быть къ вашимъ услугамъ. По всей вѣроятности, однако, до этого не дойдетъ.

Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ Краковъ на юбилей Крашевскаго, но вернусь никакъ не позже 1-го октября.

Глубоко уважающій васъ, преданный

Спасовичъ.

15 сентября 1879 г.

29-го октября.

(Отрывокъ изъ письма деревенскаго учителя).

„26 въ пятницу, занимаюсь я, какъ вдругъ высовывается какая то голова

изъ дверей моей комнаты и говорить: „позвольте васъ на минуту отвернуть отъ дѣла; я судебный слѣдователь, пріѣхалъ сдѣлать дознание“. Думаю себѣ: „очень непріятно имѣть такого гостя!“ и долженъ признаться, что даже струсилъ, вопервыхъ, отъ неожиданнаго появленія головы, а вовторыхъ, за васъ и за школу струсилъ.

Перваго онъ вызвалъ Романа Попова, а затѣмъ Краснощочковыхъ и Головнева, но они отказались, такъ какъ не были тогда въ школѣ. Онъ спросилъ Романа, кто съ нимъ еще тогда учился? и тотъ указалъ на Марусю Товстенку. Судебный слѣдователь допрашивалъ и ее. Дѣти показали: насъ было больше 10, учила насъ Христина Даниловна всѣхъ пѣть „Отче нашъ!“, а нѣкоторые учились по азбучкѣ, учились же мы на балконѣ.

На показаніи своемъ, писанномъ самимъ слѣдователемъ, они подписались. Затѣмъ пріѣзжалъ урядникъ вечеромъ и дѣтей не засталъ. Пріѣзжалъ онъ по тому же дѣлу, имѣя предписаніе отъ становаго пристава и заявилъ всѣмъ родителямъ, учившихся тогда у васъ

дѣтей, явиться въ волость для допроса. Чѣмъ все это кончилось, не знаю; могу только, Х. Д., увѣрить васъ въ одномъ, что все это на учащихся ни мало не повліяло—они остались веселы, какъ и были раньше.

Извините пожалуйста, Х. Д., что сообщаю вамъ эти непріятныя новости. Не хочу ничего скрывать.

Дѣти ходятъ аккуратно. Всѣ они кланяются вамъ“.

28-го октября, 1879 г.

Деревня Алексѣевка.

30-го октября.

Письмо это снова навѣяло на меня грустныя думы: Господи, когда же конецъ этому?!... Бѣдныя дѣтки! Трогательнѣе всего безспорно то, что сами росписались на своемъ показаніи.....

1-го ноября.

Сегодня получила копію съ постановленія судебнаго слѣдователя. Она обрадовала меня, какъ нравственное удовлетвореніе послѣ длинныхъ мѣсяцевъ страданій и сомнѣній. Вѣроятно судъ согласится съ его мнѣніемъ и

наступить конецъ моимъ тревогамъ.....
Еслибъ то!....

Постановленіе судебного слѣдователя состояло приблизительно въ слѣдующемъ:

1879 г. октября 27-го дня, и. д. судебного слѣдователя 2-го участка славяносербскаго уѣзда, въ г. Славяносербскѣ, разсмотрѣвъ обстоятельство дѣла по обвиненію г-жи Алчевской въ нарушеніи 1049 ст. ул. о нак. нашолъ, что г-жа Алчевская имѣла право на открытіе школы, что доказывается кромѣ извѣстныхъ и объясняемыхъ ею въ поданномъ заявленіи фактовъ изъ дѣятельности ея на поприщѣ бесплатнаго преподаванія грамотности, между прочимъ уже и тѣмъ, что она и получила разрѣшеніе на открытіе школы, нынѣ существующей въ ея деревнѣ, въ которой обучаются малолѣтніе крестьяне грамотности; за симъ, хотя г-жа Алчевская, до полученія формальнаго разрѣшенія открыть собственно школу и призывала малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей къ себѣ на домъ, гдѣ учила ихъ первоначально, дѣлая опытъ и подготовку для буду-

щей школы, въ открытіи которой и сомнѣваться не имѣла основаній, но, такъ какъ по внутреннему смыслу 1049 ст. ул. о нак. подобныя дѣйствія съ ея стороны не составляютъ преступленія, заключааясь лишь въ неисполненіи извѣстной формальности, которая потомъ была исполнена, то потому и нарушенія 1049 ст. ул. о нак. г-жею Алчевскою совершено не было, ибо законъ, устанавливая норму въ 1049 ст. ул. о нак. имѣлъ въ виду предупредить возможность обучать дѣтей лицами не компетентными въ этомъ дѣлѣ, или же могущими поселить въ малолѣтнихъ дурныя начала нравственности, но отнюдь не предусматривалъ тѣхъ случаевъ, когда лица безусловно имѣющія права на право преподаванія и извѣстныя своею педагогическою дѣятельностью, желая поселить между народомъ начала нравственности, религіи и грамотности, жертвуютъ своимъ имуществомъ для достиженія этой общественно - правительственной цѣли, въ виду которой и собственнымъ безкорыстнымъ трудомъ, желая принять участіе въ дѣлѣ народнаго образова-

нія, готовятъ дѣтей къ обученію ихъ въ „собственной школѣ“, которую намѣреваются открыть. Въ виду личной инициативы въ такомъ общественномъ дѣлѣ, въ виду мѣстныхъ условій и непониманія еще народомъ пользы грамотности безъ извѣстной подготовки къ этому дѣлу самихъ дѣтей, нельзя было бы и рѣшиться открыть школы, и такимъ путемъ былъ бы убитъ личный элементъ и личная инициатива въ дѣлѣ распространенія грамотности, чего законъ, относящійся къ этому съ сочувствіемъ, не могъ допустить. Что же касается мнѣнія, допрошеннаго въ качествѣ эксперта г. П—ва, то, такъ какъ въ показаніи своемъ главнымъ образомъ онъ старался опровергнуть заявленія г. Алчевской относительно притѣсненій имъ ея, и, наконецъ, такъ какъ онъ не призналъ себя компетентнымъ въ дѣлѣ разрѣшенія предложенныхъ ему вопросовъ въ научно-юридическомъ смыслѣ, то потому показаніе его въ дѣлѣ не можетъ имѣть существеннаго, а тѣмъ болѣе рѣшающаго значенія. Въ виду изложенныхъ соображеній и не находя въ дѣйствіяхъ г-жи Алчевской приз-

наковъ какого-либо преступленія, руководствуясь 277 ст. уст. уг. суд. постановилъ: не привлекая въ качествѣ обвиняемой г. Алчевской, дѣло это, за отсутствіемъ состава преступленія, предоставить для прекращенія въ изюмскій окружной судъ, чрезъ господина прокурора.

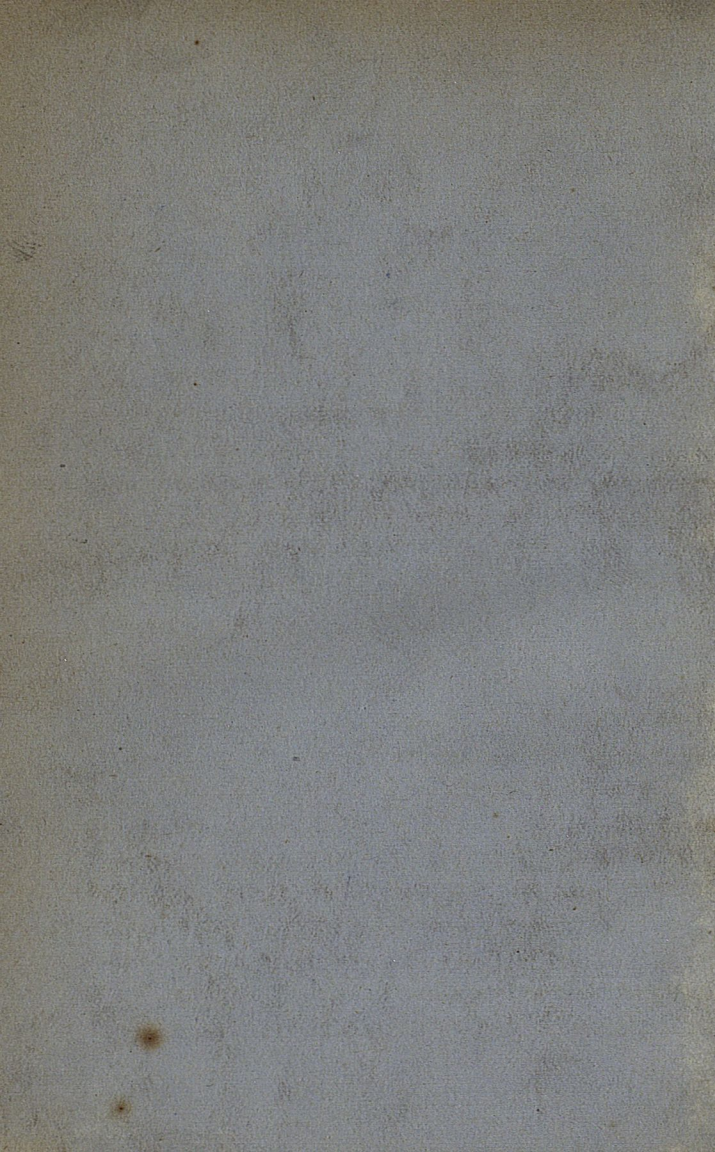
Х. Алчевская.

Дозволено Цензурою.

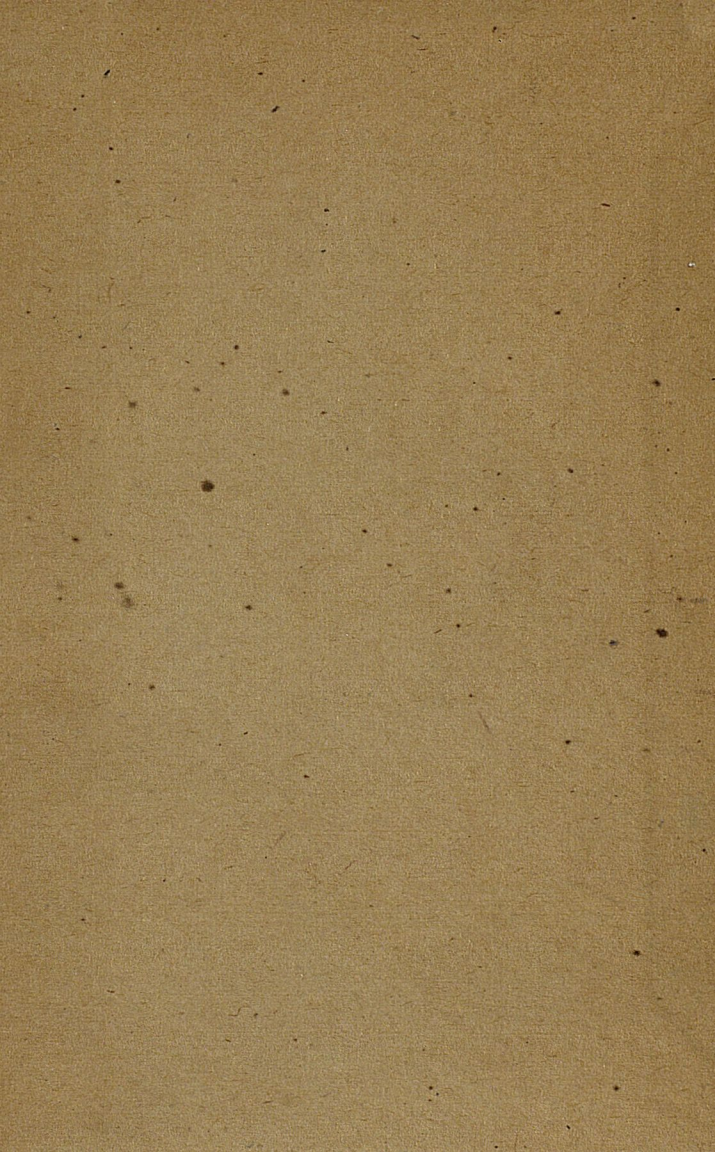
Изъ газеты „Южный Край“ (№№ 53 и 54).

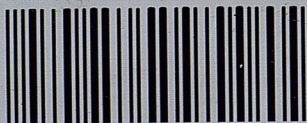
Типографія М. Зильберберга.

2007098680